

■ юбилей

“ОТЕЦ ВСЕГДА ГОВОРИЛ, ЧТО ПИШЕТ МАЛО”

85 лет со дня рождения
Давида Самойлова

Сегодня исполняется 85 лет со дня рождения выдающегося русского поэта Давида Самойлова. В канун этой даты с его сыном — писателем, главным редактором журнала «Комментарии» Александром Давыдовым побеседовал корреспондент Газеты Кирилл Решетников.

Говорят, что в ранние годы на Давида Самуиловича большое влияние оказал его отец. В чем оно заключалось? Имело ли это отношение к литературе?

Дед умер, когда мне было четыре года, но я, конечно, его знал, я его хорошо помню. Его влияние на отца было как раз не литературное, а какое-то, я бы сказал, духовное. Это был очень светлый, хороший, высокодуховный человек. И то, что он заложил в Самойлова, — оно и проросло в его литературном творчестве. А вообще, когда дед узнал, что его сын собирается всерьез, профессионально заниматься поэзией, он как-то не очень поверил, что это возможно. У него отношение к поэзии было очень возвышенное, старорежимное, он считал, что этим занимаются какие-то небожители. И что нужно приобретать простую жизненную профессию.

При поступлении в Институт философии, литературы и истории Давид Самуилович собирался специализироваться по французской литературе.

Фотограф: Александр Карсанов

Он действительно ею занимался?

Насчет французской литературы точно не знаю. Но французский он учил, знал его очень прилично, переводил, как известно, Аполлинера, и переводы Рембо были замечательные, скажем, «Пьяного корабля». Но их было немного. В основном он, конечно, переводил поэзию восточной Европы. Диплома он, честно говоря, не получил. До войны он не закончил ИФЛИ, а потом был филфак Московского университета, там он учился до самого конца, но диплома не защитил, потому что надо было упоминать

в каждой фразе Сталина, и ему это претило.

Был ли он из тех, для кого память о фронте играет определяющую роль всю оставшуюся жизнь? Ведь Самойлов — поэт фронтового поколения, хотя его, конечно, никак нельзя определить узким термином «поэт-фронтовик».

Вообще-то никого из крупных поэтов так определить нельзя. Конечно, война была величайшим событием в жизни их поколения, и осмыслили они ее потом, видимо, всю жизнь. Но они не были на этом зациклены.

Кого он ценил из поэтов этой плеяды?

Можно назвать Юрия Левитанского, который, кстати, как-то от этой темы отстранялся и подчеркивал, что война — не единственное событие в его жизни. Ценил рано умершего Семена Гудзенко — они дружили, ценил военные стихи Александра Межирова.

А кого выделял из старших современников?

Он считал себя учеником Сельвинского. Но в первую очередь ценил Пастернака. В дальнейшем у него были сложные внут-

ренние отношения с Пастернаком, но «первая влюбленность» была, конечно, в него. Он и с Ахматовой был в дружеских отношениях, естественно, очень высоко ставя и ее.

Учениками своими кого считал?

Ученики у него были даже официальные — он довольно долго вел семинар молодых поэтов при Союзе писателей. Самым любимым его учеником, хотя и не в поэзии, а, так сказать, по жизни был Анатолий Якобсон, известный диссидент, литературовед, переводчик. Еще он очень высоко ценил Анну Наль — жену Александра Городницкого. Вообще он многих называл своими учениками. А еще большее количество людей называло его учениками себя, хотя из этих ничего великого не получилось.

Осталось ли неопубликованное наследие?

Вы знаете, вообще он всегда говорил, что пишет мало. Да и упрекал себя в стихах: «Пишу редко и мало». На самом деле остался большой архив, его исследовал и я, и его вдова Галина Ивановна Медведева. Там мы обнаружили огромное количество стихов. Но они уже практически все опубликованы — десятки, если не сотни стихотворений, и, кстати, среди них есть отличные. Даже, как говорили, какой-то «второй» Самойлов открылся. А скоро в Петербурге должен выйти большой том «Библиотеки поэта», где будет напечатано практически все, что он написал. Но это будет именно лирика, не поэмы — так мы решили.